

УДК 94(47)

Васильева Ирина Владимировна

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия № 18 имени И.Я. Илюшина
Россия, Королев
Заместитель директора
E-Mail: dusya_70@inbox.ru

Васильев Дмитрий Валентинович

НОУ ВПО «Институт государственного управления, права и инновационных технологий»
Россия, Москва¹
Проректор
Кандидат исторических наук, доцент
E-Mail: dvvasiliev@mail.ru

Русский Туркестан в литературных произведениях Н.Н. Каразина²

Аннотация. Направление российской политики в Туркестанском генерал-губернаторстве и его реализация определялись не только некой сверхидеей мессианского значения. Они зависели не только от посылов из столицы. Безусловно, идеи и принципы, лежавшие в основе законодательных актов, исходивших из Петербурга, формировались не только на основе определенных цивилизационных установок. Влияние на них оказывал образ региона, складывавшийся из отголосков событий, разворачивавшихся на юго-востоке империи, и тех сообщений, которые поступали во внутреннюю Россию из Ташкента. Сведения о военных действиях и мероприятиях власти доходили до министерств секретными депешами, часть из них публиковалась в информационных колонках газет. А литературные и иллюстрированные журналы тиражировали художественные произведения, создававшиеся российскими военными и гражданскими чиновниками. И именно эти произведения доносили до читателя образы событий, людей, природы Туркестана, складывавшиеся в обобщенный образ региона, под влияние которого попадало не только общественное мнение, но и те министерские чиновники, от которых зависело направление туркестанской политики империи. Среди писателей-очевидцев был Николай Каразин, некоторые произведения которого анализируются в статье.

Ключевые слова: Туркестанский край; Центральная Азия; Российская империя; образ региона; внутренняя политика; история; русская литература; русские писатели; Николай Каразин; XIX век.

Идентификационный номер статьи в журнале 136PVN414

¹ 109004, Россия, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 13

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Вторая половина XIX века», проект № 13-01-00150.

История взаимоотношений России с народами и государствами Средней Азии делалась людьми – как безымянными, так и известными нам по их собственным сочинениям и по сохранившимся о них архивным и иным данным. Ученые, чиновники, дипломаты, оказавшиеся на далёкой окраине царской России, в своих письменных свидетельствах отразили взвешенные оценки и непосредственные впечатления об окружающей их действительности.

В истории литературных отношений России и центральноазиатского региона дооктябрьского периода принято выделять два периода: с 1730-х по 1868 г. и с 1869 г. по 1917 г. Время с начала установления прочных контактов Российской империи со степью до 1868 г. характеризуется тем, что русские ученые, путешественники и писатели, побывавшие в казахских степях собирали и записывали фольклорные произведения кочевников, описывали жизнь и быт местного населения, природу, климат, животный мир окружавшего их пространства.³ Во второй период литературные связи России с Центральной Азией достигли гораздо более широкого размаха, обусловленного завершением присоединения региона к России, теми существенными изменениями, которые произошли в экономике, общественно-политической и культурной жизни региона под влиянием северного соседа.

Центральноазиатские мотивы нашли отражение в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, С.Т. Аксакова, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко и других. Однако, за этими представителями классической русской литературы стояла масса менее известных писателей, ученых, военных, в чьем литературном и художественном творчестве нашли отражение жизнь, быт и культура новых имперских подданных. Широкая панорама российско-центральноазиатских отношений, картины быта и нравов местных жителей и представителей российской армии и администрации нашли отражение в романах, повестях и рассказах Н.Н. Каразина, Н. Ильина, П.И. Пашино, Н.П. Стремоухова, Н. Уралова, И.П. Инфантьева и других.⁴

Литературная деятельность этой группы писателей интересна тем, что их писательская и профессиональная деятельность так или иначе была связана с Туркестаном, а потому их взгляды на социальные отношения в регионе, изображаемые ими картины быта, нравов и обычаев коренного населения не только следует считать наиболее близкими к реальности. Находясь в регионе по воле царского правительства, они не только реализовывали его политическую волю в регионе, но фактически являлись создателями литературно-художественного образа Центральной Азии и его трансляторами в среду читающей публики империи.

Исследователи творчества русских «туркестанских» писателей отмечают, что в их произведениях «...фактический материал в той или иной степени подвергался осмыслению и обобщению. Авторы стремились правдиво воспроизвести типичные характеры представителей коренного населения, действовавших в типичной для них обстановке».⁵

Свидетелем и активным участником непростой обстановки, сложившейся в Средней Азии в 60-70-е годы XIX века был Николай Николаевич Каразин – талантливый и одаренный человек, известный в своё время писатель и художник. Его романы пользовались значительным успехом в 1870-н гг., когда туркестанские сюжеты были актуальной темой, широко обсуждавшейся в русском обществе. Его статьи, очерки и рассказы печатались в газетах и журналах «Дело», «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Всемирная иллюстрация»,

³ Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения (Вторая половина XIX – первое десятилетие XX века) / К. Ш. Кереева-Канафиева. 2-е изд. Алма-Ата: Казахстан, 1980. С. 8.

⁴ Там же. С. 10-11.

⁵ Там же. С. 114.

«Нива», «Живописное обозрение». Еще более известен Н.Н. Каразин был известен как популярный иллюстратор.

Широкую известность имели в свое время романы и повести писателя «На далеких окраинах», «С Севера на Юг», «В камышах», «Двуногий волк», «Погоня за наживой» и пр., главными действующими лицами в которых были Казахская степь и люди, ее населяющие.

В середине XIX в. в Центральной Азии существовали три самостоятельных государства, которые раздираемые внутренними противоречиями постоянно враждовали между собой – Коканд, Бухара и Хива. Отношения с Россией складывались сложно: совершались грабительские набеги на русские караваны и посты, захватывали пленных и продавали их в рабство; русские войска отвечали походами. В 1867 году на завоеванных территориях было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В результате военных действий 1868-1876 гг. всё Кокандское ханство было присоединено к России, а Бухара и Хива признали русский протекторат. Активным участником этих событий и был Н.Н. Каразин, воевавший в составе 5-го Туркестанского линейного батальона. Командуя ротой, он участвовал во многих сражениях с регулярными войсками Хивы, Бухары и Коканда. Находясь в авангарде «цивилизующей» армии империи, он «...не запятнал себя ни единым расистским высказыванием или жестокостью. Ему была свойственна общая черта передовых людей того времени: уважение к другим народам, их культуре, нравам и обычаям, даже если приходилось встречаться с этими народами на полях сражений. Оружием в многотрудных военных походах были у Н.Н. Каразина по большей части перо и карандаш, с которыми он не расставался никогда. Трофеи его умещались в альбомах и многочисленных записных книжках».⁶

Боевые заслуги Николая Каразина были отмечены золотым оружием и орденом Св. Владимира с мечами. После нескольких ранений Н.Н. Каразин вышел в отставку и в 1870 г. в чине капитана поселился в Петербурге. С этого времени он начинает свою литературную деятельность, иллюстрируя свои произведения собственными рисунками и виньетками.

Центральная Азия для Российской империи была страной загадочной и неизвестной. Изолированные от России бескрайней степью, ханства виделись из Петербурга краем несметных богатств, сказочных диковин и мудрых правителей. Причем для наших соотечественников природные, бытовые и культурные реалии Средней Азии оказывались не только непривычными, неожиданными и таинственными, но и экстремальными. Можно отметить, что в отличие от русских людей, «инородцы» изображаются более с внешней стороны. Но и среди них встречаются натуры незаурядные, сложные, противоречивые. В жителях кишлаков и аулов встречаются такие качества как гордость, свободолюбие, отзывчивость, коварство, вероломство, прямотушие, непреклонность, хитрость – качества, определённый набор которых в изображении Каразина роднит и разводит аборигенов с русскими. Его рассказчик – русский человек, реагирующий, рассуждающий в соответствии с национальными традициями.

В 1871 г. в журнале «Нива» увидел свет отрывок из его очерков «От Оренбурга до Ташкента», а через год был издан первый роман писателя «На далеких окраинах».

В нем местные жители казахи показаны через восприятие вчерашнего столичного офицера, легкомысленного и вместе с тем бессердечного человека. Кинувшись на Восток в поисках солидного куша, он оказался в плену у казахов-барантачей. Несмотря на то, что находясь в плену Батогов рассказывает сказки, поет песни, пляшет вприсядку и играет на «туземной балалайке», он не может преодолеть заметного отчуждения с местными. Это

⁶ Шумаков В. Жизнь, труды и странствия Николая Каразина, писателя, художника, путешественника // Звезда Востока. Ташкент, 1975. № 6. С. 209.

отчуждение писатель объясняет религиозными различиями, хотя в основе недоброжелательности, скорее всего, лежит поверхностное отношение пленного к своей судьбе и к людям, которые его окружают. Воспользовавшись симпатиями жены своего господина и благосклонностью джигита Юсупа, организовавшего его побег, Батогов убивает женщину во время своего бегства. Отсюда тенденциозность писателя в изображении казахских женщин, рядовых казахов и некоторых сторон кочевой жизни. В этом романе автор достаточно поверхностно показал образы героев произведения. Исключение составляет лишь Перлович – чиновник, коммерсант, ростовщик, поглощенный жаждой обогащения. Растущая алчность и бесчеловечность Перловича показаны весьма ярко и убедительно. Официальная критика встретила роман резко отрицательно, сочтя показанные им неблагоприятные явления надуманными. Не заметила, или не захотела заметить, явно обличительного характера произведения.

Надо отметить, что герои Каразина постоянно находятся в непредсказуемых ситуациях, которые возникают не от случая к случаю, а становятся неотъемлемой частью их жизни, что позволяет раскрыть характер персонажей вне зависимости от их национальной принадлежности. Так, например, в романе «Погоня за наживой» (1873), который стал продолжением романа «На далеких окраинах», абсолютно все действующие лица, кроме главного героя Дмитрия Ледоколова, преследуют свои меркантильные интересы. Уже в первых главах романа перед читателем предстаёт страшный образ барантачей: «...Со всех концов степи сбродились искатели лёгкой наживы: тут были и туркмены, и киргизы-адаевцы, и бузачинцы, и безымянный сброд, невесть откуда появившийся. Группировалось же всё это около трёх джигитов»,⁷ одним из которых был Иван-бай. В двадцать лет его имя гремело по всей степи. В русских пограничных фортах узнавали о его подвигах. Власти обещали за его голову большое вознаграждение, но охотников выдать его не находилось. Сначала Иван-бай женился на дочери одного из кочевых султанов красивой хивинке, потом взял себе вторую жену из другого рода. Иван-бай мог себе позволить такую роскошь, поскольку разбои и грабежи караванов давали ему достаточно средств. Он был отважен и дерзок в своих предприятиях с целью добычи полезной информации. Однажды Иван-бай предлагает напасть на русский обоз, где «всего вволю припасено».⁸ Это был не простой обоз, принадлежащий купцу Лопатину, это был настоящий караван, богато гружённый различными товарами, а самое ценное – он вёз паровую машину. В результате дерзкого набега Лопатинский караван был не только дочиста ограблен, а народ, что был при нём, уведён в плен. Кроме того, Каразин описывает итог варварского нападения: «...Вьюки, привезённые в Большой форт киргизами аула Термебекс – всего тюков было четыре – имели удлинённую форму, похожую на человеческое тело, но только без голов».⁹ Такая же судьба была уготована и Ледоколову, погибшему в схватке с барантачами в финале романа, когда «...джигит, нагнувшийся к телу Ледоколова, ощупывал пальцами кровавые рубцы его расколотого черепа».¹⁰

В романе разбойничьи шайки безгранично бесчинствуют и никто не может с ними справиться: «...Тревожные слухи разлетелись по всему Ташкенту и его окрестностям: в Манкенте ночью сделано нападение на почтовую станцию, там зарезан проезжавший какой-то офицер, уведены в плен двое русских, служивших при станции ...в другом кишлаке порезали русских сборщиков податей; мадам Брозе и её красавица дочь не избегли рук Назаркиных кызыл-чапанов».¹¹ «На самом берегу Каракола остановилась на ночлег шайка кызыл-чапанов,

⁷ Каразин Н.Н. Погоня за наживой. СПб., 1905. С. 95.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 381

¹¹ Там же. С. 376.

возвращавшихся со своего удачного набега: во-первых, - их число уменьшилось только на четыре, хотя частенько из шайки в сорок человек возвращалось только четверо; во-вторых, – ещё с десяток благоприобретённых лошадей и шесть навьюченных, почти что по самые уши, верблюдов; венец всей добычи – тёмные закутанные с головой фигуры, полулежащие на ковре у огня – это были пленные женщины».¹² Каждая сцена, представленная рассказчиком, создаёт страшный, кроважидный, жестокий и вообще звероподобный образ «чужих».

Но не все «инородцы» предстают перед нами в таком свете. Само местное население страдает от этих бандитов: «...Быстро свернули и собрали свои стада подвижные степняки, ... ушли на запад, вглубь песков, подальше от опасного соседства. <...> Киргизы поставили по высоким постам конных сторожей, которые должны были известить аулы, когда минет опасность».¹³

Однако автор создаёт ещё один образ шайки. Только теперь это шайка представителей русской администрации: «Приехали... Требуют себе отдельных кибиток, баранов, молока... Всё это мы им дали... Говорили, что кочевать довольно – больше нельзя кочевать, что кибитки они казённой печатью к степи припечатывают, ... что все киргизы пахать землю будут с будущего года, что суд и начальство будут совсем другие... Двое пошли кибитки считать, а сами уже ничего не видят, на ногах шатаются и все бумагу из рук роняют. Так ничего и не сосчитали. Принялись считать сколько девок в ауле, наши джигиты вступились, насилие разняли. Совет стариков решил их выпроводить из аула».¹⁴

Особое внимание уделяет Каразин образу нового типа чиновничества – казаха-переводчика: «В этом крае создан совершенно оригинальный административный тип переводчика, лица, по-видимому самого незначительного по роду своей служебной деятельности, на самом деле не такого маловажного, как это кажется сначала. Там, где власть находилась в руках лиц, незнакомых с местным языком, переводчик-толмач – всё: он не только передатчик воли и распоряжений начальства, он бесконтрольный истолкователь того и другого, он неизбежный посредник между жалующимся и лицом, которому приносится жалоба, он – докладчик по всякому делу, возникающему между туземцами. Следовательно, ему открывается обширное поприще эксплуатировать и того, и другого. Сами они все азиаты, получившие образование в России. Хитрые и пронырливые, они с рабской покорностью и предупредительностью почти пресмыкаются перед представителями русской власти и надменно, с самым наглым презрением, относятся к зависящим от них туземцам...».¹⁵

Пример. Какое-то очень важное лицо должно было проезжать через Каракумы; и вот представители аулов и разных кочевий собрались к почтовой станции заявить заезжему чиновнику своё почтение и поблагодарить за разные льготы и милости. Кочевые депутаты очень долго ждали представителей русской власти. А когда они, наконец, предстали перед генералом, то толмач совершенно в искажённом виде стал переводить всю их речь. И только вмешательство инженера-геологоразведчика Бурченко, который прекрасно знал язык, заставило толмача остановиться.

Местный начальник видел и догадывался, что дело идёт скверно, совсем не так, как он предполагал, и стоял весь бледный, с отвислой нижней губой. Его колени его тряслись и колотились одно о другое. Генерал же передал депутатам, что они могут ехать с Богом по своим аулам, чтобы ничего не боялись, чтобы впредь всё говорили, что им нужно, что он пришлёт своего чиновника, который разберёт все их жалобы и никакого зла им не сделает. «Все

¹² Там же. С. 379.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ Там же. С. 136.

просияли и вдруг разом повалились в ноги. Каждому из киргизов надет был на плечи халат с галунами и дана медаль на красной ленте... Халаты оказались малы и висели на дюжих плечах представителей, словно гусарские ментики, а медали так блестели, что их блеск, казалось, отражался на просветлившихся лицах наивных кочевников. Они были счастливы совершенно, они забыли о своих невзгодах и действительно с каким-то благоговением смотрели на старика генерала».¹⁶

Казалось, утверждение российской власти должно было навести порядок в степи. Царская администрация установила на новых землях щадящую налоговую систему, но неустроенность и неурегулированность отношений на низовом уровне зачастую сводило благие намерения властей в лучшем случае к нулю.

Когда русские сборщики налогов покидают горный кишлак Таш-Огыр, его обитатели вздыхают с облегчением: «...Ну, теперь мы месяцев на восемь вздохнём посвободней: подати сдали... А все-таки мы теперь много меньше Ак-паше [Белому царю – И.В.] платим, чем платили прежде бекам да кокандскому хану».¹⁷

Но вскоре к ним от соседнего бека приехали всадники за сбором податей. Так местному мулле Аллаяру пришлось признать: «Несмотря на то, что мы уже русским платим, этим тоже платить придётся. Не заплатим – силой возьмут... В прошлом году, когда мир держали, и от русских, и от вас высланы были люди, вместе сообща, землю делили – по ту сторону гор – ваше, по эту – к русским отошло». На что, совершенно в ключе восточного лукавства, посланники бека ответили: «Русская граница только там, куда достают их пушки, то ихнее, где они солдат держат».¹⁸

Выгоду и наживу ищет в степи и упомянутый выше малоросс Бурченко, которые за этим и приехал в далекий край – он хотел заниматься исследованием горных пород и определением удобнейших пунктов для закладки будущих неисчерпаемых рудников фирмы «Бурченко и компания». Таким местом было определено Каракольское ущелье. На работу он нанял местных жителей за еду и мизерную плату. Но белый хозяин не вызывал доверия, он внушал «...суеверный страх к гяуру-иноземцу, который осмеливается рыскать по их местам один-одинехонек: они так привыкли видеть русского тюра [начальника – И.В.] не иначе как в сопровождении целого конвоя ак-сарбазов [белых воинов – И.В.]. Не без шайтанлых (чертовщины) дело обходится. С ним пожалуй свяжись – беды наживёшь. Но деньги были такие светленькие, новенькие, так приветливо звенели, – думали наивные дикари...».¹⁹

Но вскоре на рудники напала шайка Назара-барантача. Разграбить-то они его разграбили, но не смогли поймать заводчиков, равно как не могли задержать шайтаноподобных русских их суеверные работники. В картине разорения рудника весьма четко показана непреодолимая цивилизационная грань между завоевателями и покоренными. Любопытные дикари бродили по рудникам, осматривали всё, руками трогали, но никак не решались спуститься вниз по лестницам в эти чёрные, зияющие провалы, откуда, казалось им, вот-вот в массах красного огня вылетит разная напущенная гяурами чертовщина. Наивных разбойников особенно интересовал и смущал забытый впопыхах Ледоколовым испорченный барометр-анероид. «И барантачи убедились, что действительно против самого шайтана ничего не поделаешь. Одно только удивило их: отчего эти шайтановы дети от них удрали, если им стоит плюнуть, чтобы подкосились вражеские ноги».²⁰

¹⁶ Там же. С. 144.

¹⁷ Там же. С. 299.

¹⁸ Там же. С. 316.

¹⁹ Там же. С. 371.

²⁰ Там же. С. 376.

Ещё один важный эпизод местной жизни – почта. Капитан Спиваков заведует почтой в Забытом форте. Отсюда она пойдёт уже далее, по остальным фортам, вплоть до самого Ташкента. И для самого капитана и для его окружения считается в порядке вещей не только почтять выписанные другими адресатами «газеточки», но и вскрыть посылки, чтобы поносить понравившиеся чужие вещи. Спиваков занимался разборкой почты и думал «Другой заорёт: незаконно, мол, подлю! А поди-ка сам поживи здесь, в Забытом, шестой год, не то ещё со скуки сделаешь. Другой и не заметит вовсе, что в его писульку заглядывали. А мне польза и назидание. Другой раз какие письма бывают занятные, никаких романов не надо».²¹ Вооружась перочинным ножиком, вскрывал Спиваков письма: «..Его превосходительству... печать частная, без орла. Подмывает, а страшно... А в этаких-то настоящий смак и сидит... (в прошлом году большое бедствие для друга своего закадычного предупредил: донос на него шёл куда следует, да не дошёл)... Господину Перловичу в Ташкент – ну это значит в карман, уж поглядим».²²

Вот как характеризует автор отношение «инородцев» к русским: «...Ваши ведь все бьют наших. За то и помогли, что не бил, а стал бы бить мы... бы тогда уехали... – замылся киргиз немного, пряча деньги в плоский кожаный кошелёк, висевший у пояса».²³

А это уже штрихи к портрету цивилизованных завоевателей – рассказ Бурченко: «Я сам видел. Барыня тут проезжала одна, и прехорошенькая и молодая совсем, такое нежное, юное создание, с мужем она ехала... Вышла она из сакли, а киргиз, скотина и сыграй над нею какую-то шутку, гикнул, кажется на неё из-за забора; известно, дикарь нецивилизованный, что с него взять? Так ведь что же вы думали? Муж держит за локти киргиза-то, а жена пустую бутылкаю из-под водки по зубам его дуёт. Зубы выбила, бутылку разбила. Противно».²⁴

Можно сказать, что казахи занимают в романе, пожалуй, главное место. Они даны как с позиции людей, впервые столкнувшихся с новой реальностью, так и с дружеской точки зрения Бурченко, весьма уже знакомого с кочевой жизнью. Отсюда и противоположные оценки казахов и различное отношение к ним русских. Надо признать симпатию и такт, с которыми Н.Н. Каразин пишет о непривычных обычаях и традициях местного населения, даёт живые картины их гостеприимства, рисует яркие картины аульной жизни.

Роман «Погоня за наживой» стал первым произведением, честно заявившим о начале проникновения российского капитализма в Центральную Азию, заявившим с пугающей резкостью и откровением. Это и делает его фактически историческим документом, составленным по собственным зарисовкам и впечатлениям, которые не желало принимать петербургское общество. В нём впервые русские выступили не только благородными рыцарями, огнем и мечем исполнявшими свою цивилизаторскую миссию. Но и алчными нахрапистыми дельцами, мало чем отличающимися от завоеванных ими «дикарей». Однако, объективности ради следует отметить, что автор делит новых хозяев жизни на две категории – тех, кто ехал в Ташкент с целью оживить торговлю, нажить богатство, насадить промышленность и тех безродных пройдох, искателей приключений, шулеров и выведенных за штат чиновников, которые не могли ничего дать новой стране, но стремились в ней пожить, прикрываясь именем великой державы.

Публикуя свои «туркестанские» романы, Н.Н. Каразин конечно не мог сколько-нибудь изменить ситуацию. Но хотел, как думается, показать читающему обществу коренных жителей региона такими, какими их видел образованный, думающий и понимающий русский человек; а

²¹ Там же. С. 179.

²² Там же.

²³ Там же. С. 68.

²⁴ Там же. С. 76.

русских туркестанцев – тоже далеко не однородным обществом, где были исполненные своего высокого предназначения романтики, привыкшие оживлять экономику предприниматели и дельцы-лихомцы, стремящиеся извлечь прямую выгоду как из первых, так и из вторых.

В основе повести Н.Н. Каразина «В камышах» (1879) лежит идея дружбы между казахами и русскими. Писатель показывает, как эта дружба проходит сквозь испытания.

Главным героем писателя в его повести «В камышах» становится Петр Касаткин «охотник в лисьей шапке», который служил офицером в местном линейном батальоне. Его природность, истинность приближали его к тем, кто жил в союзе и в гармонии с природой: «Спасительная сила, которая направляла в нём все инстинкты, которая спасла его, сделав то, что годы степной жизни, тянувшиеся для других бесконечно, пролетали для него как короткие зимние дни, когда не успеешь налюбоваться солнечным светом, глядь, уже пора зажигать огни и садиться ужинать. Сила эта была любовь к природе».²⁵

Темой повести стал иной пласт, чем в предыдущих произведениях писателя. Здесь на передний план выдвинуты совершенно другие отношения, которые связывают туземцев и русских. Это дружба, любовь, забота – те чувства, которые возникают между простыми людьми.

Ключевым эпизодом, который не только поставил Касаткина на одну доску с казахами, но даже в некоторой степени возвысил его если не над ними, то, во всяком случае, над обстоятельствами, стала история с нападением на кочевой аул тигра, который уносил детей.

Даже описывая подвиг своего героя, Н.Н. Каразин пользуется теми красками и приемами, которые обычно использовал для описания местных джигитов.

Касаткин ехал впереди всех. Находил дорогу в темноте, руководясь лишь охотничьим инстинктом. Полезли в засаду. Казаха Бабаджак и его русский спутник Трубаченко заняли место повыше. Касаткин влез в яму. Замерли в ожидании. «Два зелёных уголька вспыхнули у самой земли, прямо на белеющую конскую тушу были устремлены две фосфорические точки, но каждому охотнику казалось, что именно на него смотрит хищный зверь и не спускает глаз, готовясь к последнему решительному прыжку... Страшная морда была в полуаршине от его лица, лапа упиралась в грудь – в тело впились острые когти. Удар ножа пришёлся как раз под левую переднюю лопатку зверя прямо в сердце – и рухнул поражённый на смерть тигр».²⁶

Вскоре в аул приехал офицер в сопровождении шести казахов арестовывать Касаткина, отлеживавшегося в кибитке местного старейшины Гайнулы-бабая. Дело в том, что незадолго до избавительного убийства тигра он из ревности убил человека и сам признался в этом. Касаткина ждал суд. И тогда на защиту русского встал весь аул! «...Не трогай его... Коли он зло сделал, его Аллах прежде вас наказал. Он сам на дороге к смерти... Родным же убитого, если они потребуют, мы сами пеню заплатим и верблюдами, и лошадьми, и баранами, как захотят; всем кочевьем своим сложимся и заплатим».²⁷ Но офицер все-таки отдал приказ забрать раненого. «Меня убьёшь прежде, а потом руки на него положишь, спокойно произнёс Гайнула-бабай и стал перед телом Касаткина. Адьютант спохватился, оглянулся кругом, со всех сторон видны были скуластые, озлобленные лица, торчали пики, в стиснутых кулаках блистали кривые ножи... Горсть казаков совершенно терялась в этой толпе».²⁸

Через четырнадцать дней у больного проявился довольно сильный аппетит. Гайнула задал пир по случаю благополучного исхода болезни своего гостя. А потом приехали местные

²⁵ Каразин Н.Н. В камышах. СПб., 1905. С. 16.

²⁶ Там же. С. 128, 130, 131.

²⁷ Там же. С. 144.

²⁸ Там же. С. 145.

знахари. Смогли излечить тело больного, но не его душу. Ушел Касаткин из аула. Ушел в степь в камыши. И наблюдал оттуда за казахской жизнью и за своей любимой, которая так и не смогла устроить свое счастье. Но Касаткин был ей точно не нужен.

Вряд ли кто-то мог узнать в этом существе из камышей отважного охотника на тигра: «Исхудалое, покрытое струпьями и кровавыми ссадинами лицо было искажено отвратительной улыбкой идиота... Как скелет он шёл – его ноги подгибались, словно не могли уже сдерживать это больное страдальческое тело. За человеком шла собака. Человек ничего не мог уже думать, ...в его живом черепе лежал мозг, умерший для всякой определённой мысли. Вдруг человек упал. ...Быстро выползло из чащи полосатое тело. Подкрался тигр к охотнику. Поморщил носом и отошёл. Он не ел трупов».²⁹

Вроде бы смел и отважен русский охотник, вроде бы близок и понятен он казахам. Но грешная душа не находит упокоения даже в достойной смерти. Мысль равно близкая и понятная как русским, так и казахам.

Несмотря на определенные художественные недостатки, творчество Н.Н. Каразина ценно тем, что на страницах его произведений запечатлена история первых шагов российской власти в Центральной Азии. Он был в числе тех деятелей культуры, кто своим творчеством стимулировал интерес читающей публики к самобытной жизни региона. С другой стороны, придерживаясь принципов критического реализма, он показал и циничную сущность российского капитализма и дружеские отношения, возникавшие между русскими и представителями коренных жителей.

Писатель был среди тех людей, кто с позиций гуманизма изучал быт, обычаи и традиции местных жителей, стремился оградить их от произвола безнадзорного чиновничества. На страницах его произведений появляются русские, узбеки, казахи, туркмены, киргизы, евреи. И любой представитель каждого из этих народов наделялся писателем положительными или отрицательными частями. Поэтому среди его антигероев можно встретить и акул российского бизнеса и беззастенчивых грабителей-гуземцев. При этом с особой симпатией Каразин показывает тех русских, которые делили с местными жителями их боли и радости. Гуманизм по отношению к самым простым представителям коренного населения, подробное описание деталей его быта, портретов и одежды местных жителей, впечатляющие картины степных и пустынных пейзажей – вот черты, отличающие литературное творчество Н.Н. Каразина.

²⁹ Там же. С. 186, 187.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арипова Л.П. Преодолеем стену забвения. (О Каразине Николае Николаевиче) [Текст] / Л.П. Арипова. М.: Фонд «Народная память», 2005. – 152 с. – ISBN 5-901287-10-X.
2. Быков П. Н.Н. Каразин [Текст] // Звезда. Спб., 1901. № 50. С. 5-7.
3. Васильев Д.В. Мифы о Туркестане: Туркестан глазами русских. XIX – начало XX вв. // Восток – Запад: аспекты взаимодействия. Материалы научной конференции. Ташкент, 12 мая 2006 года. Ташкент, 2006. С. 3-5.
4. Васильев Д.В. Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине [Текст] // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4: Восток: история, политика, культура. М.: Институт бизнеса и политики, 2007. С. 39–70.
5. Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения (Вторая половина XIX – первое десятилетие XX века) [Текст] / К. Ш. Кереева-Канафиева. 2-е изд. Алма-Ата: Казахстан, 1980. – 280 с.
6. Ташкентский романист-обличитель [Текст] // Неделя. Спб., 1874. С.430-437.
7. Шумков В. Жизнь, труды и странствия Николая Каразина, писателя, художника, путешественника [Текст] // Звезда Востока. Ташкент, 1975. № 6. С. 207-224.

Irina Vasilyeva

Ilyushin Grammar School No 18 of Korolev city
Russia, Korolev
E-Mail: dusya_70@inbox.ru

Dmitry Vasilyev

Institute of Government, Right and Innovative Technologies
Russia, Moscow
E-Mail: dvvasiliev@mail.ru

Russian Turkestan in the Literary Works of Nikolay Karazin

Abstract. The direction of Russian policy in the Turkestan Governorate General and its implementation were determined not only by a certain super-idea of messianic significance. They depended not only on the messages from the capital. Surely, the ideas and the principles which were the cornerstone of the acts coming from St. Petersburg, were forming not only on the basis of the defined civilizational settings. They were influenced by the image of the region consisting of the reminiscences of the events that were taking place in the southeast of the Empire, and those messages that were coming from Tashkent into the interior Russia. Information about military operations and authority activities were reaching ministries in form of secret dispatches, some of which were published in newspaper columns. But literary and illustrated magazines were duplicating fictions and pictures created by Russian military and civilian officials. And exactly these works provided a reader with images of events, people and nature of Turkestan, developing into a generalized image of the region. Not only public opinion, but also ministerial officials who directed imperial policy in Turkestan Region, was falling under the influence of this image. Among those eyewitnesses there was a writer Nikolay Karazin. Some of his works are analyzed in the article.

Keywords: Turkestan Region, Central Asia, Russian Empire, image of a region, domestic policy, history, Russian literature, Russian writers, Nikolay Karazin, 19th century.

Identification number of article 136PVN414

REFERENCES

1. Aripova L.P. Preodoleem stenu zabveniya. (O Karazine Nikolae Nikolaeviche) [Tekst] / L.P. Aripova. M.: Fond «Narodnaya pamyat'», 2005. – 152 s. – ISBN 5-901287-10-Kh.
2. Bykov P. N.N. Karazin [Tekst] // Zvezda. Spb., 1901. № 50. S. 5-7.
3. Vasil'ev D.V. Mify o Turkestane: Turkestan glazami russkikh. XIX – nachalo KhKh vv. // Vostok – Zapad: aspekty vzaimodeystviya. Materialy nauchnoy konferentsii. Tashkent, 12 maya 2006 goda. Tashkent, 2006. S. 3-5.
4. Vasil'ev D.V. Rossiya v Tsentral'noy Azii: mify ob imperskoy okraine [Tekst] // Nauchnye trudy Instituta biznesa i politiki. Vyp. 4: Vostok: istoriya, politika, kul'tura. M.: Institut biznesa i politiki, 2007. S. 39–70.
5. Kereeva-Kanafieva K.Sh. Russko-kazakhskie literaturnye otnosheniya (Vtoraya polovina XIX – pervoe desyatiletie XX veka) [Tekst] / K. Sh. Kereeva-Kanafieva. 2-e izd. Alma-Ata: Kazakhstan, 1980. – 280 s.
6. Tashkentskiy romanist-oblichitel' [Tekst] // Nedelya. Spb., 1874. S.430-437.
7. Shumkov V. Zhizn', trudy i stranstviya Nikolaya Karazina, pisatelya, khudozhnika, puteshestvennika [Tekst] // Zvezda Vostoka. Tashkent, 1975. № 6. S. 207-224.